

НАХОДКИ ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРООЗА

Первый раскоп (80 м²) прилегает к северному краю раскопа 1972 г. и к восточному краю раскопа 1973—1974 гг. Таким образом, исследования северной части могильника были завершены полностью. Второй раскоп (72 м²) был заложен к югу от раскопов 1971 и 1976 гг. Культурный слой в этой части могильника полностью разрушен, но в восточном направлении сохранился. Находки (табл. XXXIV и XXXV) относятся к 11—13 вв.

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1983.4.14>

Сильвия ЛАУЛ

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК В СИКСАЛИ

Археологические исследования в Сиксали начались в 1980 г. Было известно, что захоронения здесь совершались по обряду труположения под невысокими курганами. Поэтому в первый год для восстановления первоначальной картины раскапывались отдельные курганы в разных частях могильника.¹ Поскольку выяснилось, что здесь же находится более ранний по сравнению с могильником культурный слой поселения, в дальнейшем методика раскопок была изменена.

В 1981 и 1982 гг. раскопкам подверглась территория в 150 м² на восточном склоне холма, где в 1980 г. уже были раскопаны курганы I и IV с труположением.² В западной части раскопа располагались низкие (10—12 см) курганы, под ними были могилы VII и VIII с труположением. В других частях раскопа захоронения внешних признаков не имели.

В 1981—1982 гг. были раскопаны 18 захоронений по обряду труположения. Нераскопанными остались здесь еще 13 захоронений, контуры которых нанесены на план (рисунок).³ Между захоронениями, совершенными по обряду труположения, были обнаружены остатки трупосожжений в материковых ямах или же разбросанные на большой площади. На территории, свободной от захоронений, найдены черепки лепной керамики и шлак, относящиеся к периоду, предшествовавшему сооружению могильника. Поселение находилось на восточном и северо-восточном склонах холма.

Лепная керамика и шлак встречались на всем протяжении раскопа под слоем дерна на глубине 25—30 см. Культурный слой состоял не из характерной для поселений темной земли, а из темного перемешанного песка. Кроме керамики и шлака, с поселением можно связать мелкие обгоревшие камни, которые наиболее часто встречались в южной части раскопа. Датировать поселение пока не представляется возможным. Найденная текстильная керамика (табл. XXXVI, 3, 4) позволяет считать временем основания поселения середину I тыс., поскольку обнаруженные черепки схожи с керамикой того же периода из каменных могильников с оградками юго-восточной Эстонии.⁴ Второй половиной I тыс. следует датировать гладкостенные сосуды с профилированным венчиком (табл. XXXVI, 2). Предположительно можно соотнести с поселением и подковообразную фибулу 8—9 вв. (табл. XXXVI, 1).⁵

В 11 в. место поселения уже использовалось как кладбище. К этому времени относится раскопанный в 1980 г. курган III с трупосожжением.⁶ В 1982 г. в квад-

¹ Лаул С. Курганный могильник позднего железного века в Сиксали. — Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1981, т. 30, № 4, с. 401—406.

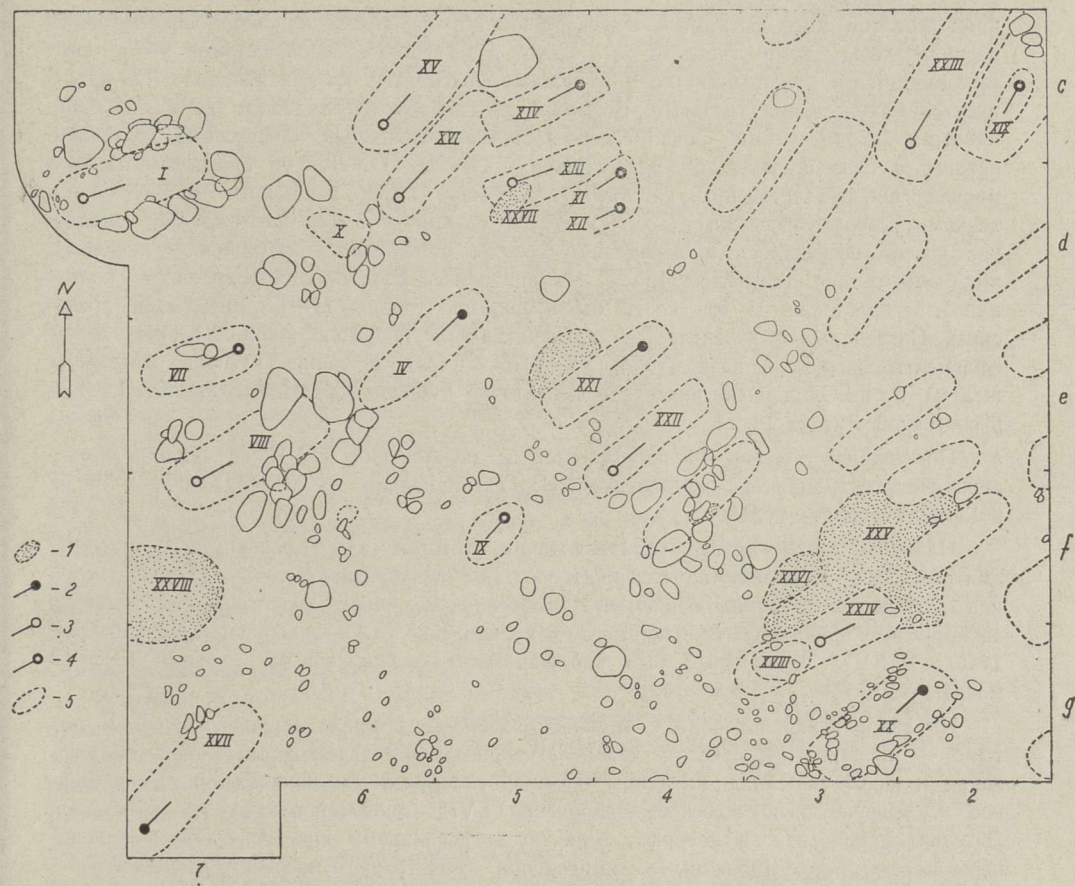
² Там же, с. 403—404.

³ Раскопанные могилы обозначены на плане цифрами, нераскопанные цифрового обозначения не имеют.

⁴ Laul, S. Virunuka tarandkalmed Võru rajeoonis. — Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. наук, 1965, т. 14, № 3, с. 343—345.

⁵ Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. Труды прибалтийской объединенной комплексной экспедиции I. М., 1959, с. 171—172; Salmo, H. Finnische Hufeisenfibeln. — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 56. Helsinki, 1956, с. 17—18.

⁶ Лаул С. Курганный могильник позднего железного века в Сиксали, с. 403.

План могильника около Сиксали. 1 трупосожжение, 2 женское, 3 мужское и 4 детское захоронение, 5 контур могильной ямы.

ратах 2—3f было обнаружено захоронение этого же времени с трупосожжением (XXV), находившееся в разбросанном виде под слоем дерна в 20—25 см на площади примерно 4 м² (рисунок). На этой же территории найдены черепки гончарного сосуда, которые побывали в огне, что дает основание связать их с захоронением. Инвентарь захоронения позволяет сделать вывод, что оно было женским. Предметы (табл. XXXVII, 1—11) сильно обгорели и частично разрушены (шейная гривна — три куса, браслет). Кроме шейной гривны, бубенчиков, фрагментов нагрудной цепи, ножа и перстня, к данному захоронению принадлежит, по всей вероятности, и браслет с надетым на него перстнем (табл. XXXVI, 5), найденный в слое земли могилы XXIV. Раскопками этой могилы был разрушен южный край описываемого захоронения с трупосожжением. Такой же браслет известен, например, среди находок в городище Рыуге, но наиболее типичными украшениями подобные браслеты были у ливов в 11 в.⁷ Датировка захоронения с трупосожжением 11 в. подтверждается и монетой (табл. XXXVII, 6), подвешенной к одному из фрагментов цепи, — монетой Этельреда II (978—1016).⁸

Второе заслуживающее внимания захоронение по обряду трупосожжения (XXVI) находилось рядом с предыдущим в квадрате 3f, в заглубленной в материк на 6—7 см

⁷ Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге, с. 171 и 183, табл. IX, 9; Tõnisson, E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jh.). Ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte. Tallinn, 1974, рис. 9 и с. 128, 129.

⁸ По определению В. Соколовского.

продолговатой яме, вытянутой с северо-востока на юго-запад. Обожженные кости располагались двумя гнездами — одно в северо-восточной, другое — в юго-западной части углубления, хотя несколько фрагментов костей найдено и в пространстве между этими гнездами. Возможно, мы имеем здесь дело с двумя одновременными захоронениями. Около северо-восточного скопления обнаружены два побывавших в огне широких браслета (табл. XXXVII, 13). Вокруг браслетов найдено много сгнившей древесины. Местами обгоревшие кости находились между двумя тонкими слоями древесины (досок?) общей толщиной 5 см. Юго-западное скопление костей помещалось в деревянном сосуде, от которого сохранилось лежащее под костями дно диаметром 15 см. На внутренней стороне дна сохранилось полотняное переплетение. И эти кости были покрыты тонким (1—1,5 см) слоем древесины. Погребальный инвентарь — трапециевидные подвески (табл. XXXVII, 15) и фрагменты нагрудной цепи (табл. XXXVII, 12, 14), а также кусочки маленьких желтых бусин. Подобный инвентарь достаточно типичен для юго-восточной Эстонии и восточной Латвии 14 в.⁹

По крайней мере к 14 в. относится и захоронение XXVII по обряду трупосожжения, находившееся на костяке XIII, датированном по отчеканенному в 14 в. в Гамбурге брактеату.¹⁰

Найдены также другие трупосожжения, которые здесь основательно не рассматриваются, поскольку не содержат находок, позволяющих точно датировать их, или разрушены труположением и разбросаны. К одному из таких разрушенных захоронений принадлежит, например, относящийся к 11 в. фрагмент браслета¹¹ (табл. XXXVI, 7), который был найден вместе с сожженными костями в песке могилы XXI.

Из захоронений по обряду труположения семь принадлежали мужчинам, четыре — женщинам и семь — детям. Мужчины были захоронены головой на юго-запад и юго-запад-запад, женщины — в противоположном направлении. Единственное исключение было женское захоронение XVII, ориентированное на юго-запад. Детские захоронения, в которых, судя по погребальному инвентарю, были похоронены девочки, ориентированы в направлении, свойственном женским погребениям.

Для мужских захоронений характерным погребальным инвентарем были положенные в ноги топор и копьё, на поясе — нож. Около костяка XXIV был только наконечник копья, топора не было. В захоронении XXIII, кроме прочего инвентаря, лежала шпора. В трех мужских погребениях (VIII, XVI, XXII) найдены украшенные четырехугольными бронзовыми бляшками кожаные пояса.

Для характеристики женского погребального инвентаря опишем захоронение XVIII, которое можно считать одним из самых ранних из доселе раскопанных. Голову умершей украшал матерчатый веночек с бронзовыми спиральками, оловянными бляшками и бисером (его фрагмент см. табл. XXXVIII, 1), к которому относится, видимо, и бронзовый бубенчик (табл. XXXVIII, 5). К венку прикреплены тесьма из бронзовых спиралек и коричневой плетеной шерстяной пряжи, увенчанная подвеской. Возможно, что на венке висела и найденная под левой рукой бронзовая цепь (табл. XXXVIII, 3). На шее было ожерелье из раковин каури и бус, нанизанных на шерстяную нить. Украшения дополнялись двумя браслетами из тонкой бронзовой жести и спиральным перстнем на пальце правой руки (табл. XXXVIII, 6, 7, 4). У левого бедра найдена бронзовая пластинка с отверстиями, которая,

⁹ Похожие на широкие бронзовые браслеты из Сиксали серебряные браслеты найдены в юго-восточной Эстонии в кладе Лооси II вместе с монетами 14 в. (AI 1034^e, 1742. См. *Tõnisson, E. Eesti aardeleid.* — В кн.: *Muistsed kalmed ja aarded. Arheoloogiline kogumik II.* Tallinn, 1962, с. 200). О трапециевидных подвесках см. *Mugurviis, E. Olipkalna un Lokstones pilsnovadi.* 3.—15. gs. arheoloogiskie pieminekli. Riga, 1977, с. 83.

¹⁰ Определение В. Соколовского.

¹¹ *Moora, H. Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit. II.* — В кн.: *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1929.* Tartu, 1931, с. 43; *Selirand, J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand).* Tallinn, 1974, с. 165.

возможно, крепилась к поясу (табл. XXXVIII, 2). Сохранилось украшение обшлагов — ряд бусин и оловянных бляшек длиной 11 см. Ряды оловянных бляшек и бусин шли и с внутренней стороны костей рук. Если обычно в женских захоронениях нож тоже располагался на бедре, то в данном случае он лежал справа от черепа на уровне плеча. Учитывая главным образом датировку браслетов¹², описанное захоронение можно отнести к 12 в.

Аналогично украшенный веночек найден в погребении XX, но здесь к нему были прикреплены целых четыре ленты с ажурными подвесками (табл. XXXIX). В этом же погребении были обнаружены и фрагменты наплечного покрывала, край которого со стороны шеи окаймляла сплетенная на дощечках из коричневой и красной шерстяной пряжи тесьма с геометрическим орнаментом. Концы покрывала украшала бахрама, а углы — шерстяные кисточки.

Форма венков не менялась до 14 в. Это подтверждает найденный в погребении XXI веночек, украшенный бронзовыми спиральками, обнаруженный вместе с относящимися к этому периоду широкими браслетами (табл. XXXVI, 6).

Раковины каури и бусы находились и в женских, и в детских захоронениях в 2—4 ряда вокруг шеи. В детских погребениях XI и XII между бусинами и раковинами каури были нанизаны еще бронзовые бубенчики и подвески (табл. XL, 1, 2). Погребения эти располагались рядом, и их можно отнести к 14 в.¹³

Большинство раскопанных до сих пор захоронений с труположением в Сиксали относится к 12—14 вв. Но о том, что место использовалось в качестве кладбища и столетиями позже, свидетельствует погребение IX, где был захоронен ребенок, ориентированный головой в традиционном направлении — на северо-северо-восток. Около скелета найдена монета 18 в.

Раскопки погребений в Сиксали выявили, что трупосожжение, которое в общем в Эстонии в 13 в. уже исчезло, в южной части юго-восточной Эстонии сохранялось наряду с труположением еще и в 14 в. В материальной культуре населения, пользовавшегося могильником в Сиксали, ощущается сильное влияние южных соседей, латгалов, в погребальном обряде же есть уже существенные отличия.

¹² Selirand, J. Eestlaste matmiskombed, с. 169.

¹³ О датировке подвесок подробнее см. Mugurēvičs, Ē. Oliņkalna un Lokstenes pilsnovādi, с. 83.

Silvia LAUL

SIKSALI ASULA JA KALMISTU

1981. ja 1982. aastal uuritud kõrgendiku idanõlval avastati I aastatuhande teise poolde kuuluv asula. Keskmiselt 20 cm paksusest kultuurkihist saadi 8.—9. sajandi hoburaudsõlg (tahv. XXXVI, 1), šlakki ja käsitsi vormitud keraamikat, sealhulgas tekstiilkeramikat I aastatuhande keskpaigast (tahv. XXXVI, 3, 4).

11. sajandist alates on kohta kasutatud kalmistuna. Põletusmatused, mis asusid pesadena asula kultuurkihis või 5—10 cm sügavustes lohkudes, kuuluvad 11.—14. sajandisse. 12. sajandist alates on siia maetud ka põletamata surnuid maa-alustesse haudadesse, kõige hilisemad niisugused matused ulatuvad 14. sajandisse. VII ja VIII matust tähistasid maapinnal madalad (10 ja 20 cm) kääpad. Avati 7 mehe-, 4 naise- ja 7 lapsehaua. Mehed olid maetud peaga SW ja WSW, naised ja lapsed (panuste järgi tütarlapsed) NO ja NNO, naisematus XVII SW suunas. Iseloomulikeks panusteks mehehaudades olid kirved, odad, noad, pronksnaastudega kaunistatud nahkvööd, sörmused, naise- ja lapsehaudades käevõrud, sörmused ning pronksspiraalide ja väikeste helmestega kaunistatud pärjad (tahv. XXXVI—XL).

Silvia LAUL

DIE SIEDLUNG UND GRABSTÄTTE VON SIKSALI

Auf dem 1981 und 1982 untersuchten Ostabhang der Anhöhe hatte in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends ein Siedlungsplatz gelegen. Aus der im Durchschnitt 20 cm starken Kulturschicht des Siedlungsplatzes wurden eine dem 8.—9. Jh. entstammende Hufeisenfibel (Taf. XXXVI, 1), Schlacke und handgeformte Keramik, darunter wahrscheinlich aus der Mitte des I. Jahrtausends stammende Textilkeramik (Taf. XXXVI, 3, 4), geborgen.

Seit dem 11. Jh. wurde dieser Platz als Begräbnisstätte benutzt. Die Brandbestattungen, die sich als Knochenester in der Kulturschicht der Siedlung oder in den 5—10 cm eingetieften Gruben fanden, gehören ins 11.—14. Jh.

Im 12. Jh. begann man hier auch Körperbestattungen in Flachgräbern, von denen die späteren ins 14. Jh. reichten, beizusetzen; die niedrigen Hügel (10 und 20 cm) auf der Erdoberfläche bezeichneten die VII. und VIII. Bestattung. Es wurden 7 Männer-, 4 Frauen- und 7 Kindergräber freigelegt. Die Männer waren mit dem Kopf nach SW und WSW, die Frauen und Kinder (den Beigaben nach Mädchen) nach NO und NNO, eine Frau (Bestattung XVII) nach SW gerichtet beigesetzt worden. An charakteristischen Beigaben lieferten die Männergräber Axte, Lanzenspitzen, mit Bronzebeschlägen verzierte Ledergürtel, Fingerringe u. a., die Frauen- und Kindergräber Armringe, Fingerringe und mit Bronzespiralen und kleinen Perlen verzierte Stirnbänder (Taf. XXXVI—XL).

Priit LIIG

ÜBER DIE BESTATTUNGSART IM HÜGELGRÄBERFELD VON JÕUGA

1982 versuchte man festzustellen, ob in Jõuga außer den Hügeln auch unterirdische Brandbestattungen zu finden sind. In der Mitte des Gräberfeldes wurde eine Fläche von 38 m² erforscht. Der Ausgrabungsplatz wurde am Hügel 66 angelegt (Abb.), in dessen Hügelaufschüttung 1981 eine zufällige Brandbestattung entdeckt wurde.¹ Just neben dem obengenannten Hügel wurden die Überreste dieser Bestattung gefunden, weitere Brandbestattungen gab es aber nicht. Die Mehrzahl der Grabbeigaben und etwa zehn stark kalzinierte Knochensplitter lagen direkt unter der Rasennarbe (einige von ihnen aber noch in der Tiefe bis zu 25 cm) durcheinander auf 2 m² Fläche, einige Gegenstände und ein Knochensplitter doch etwas weiter entfernt. Der Sand unter der Rasennarbe war grauschwarz, gleichwie rußig, und unterschied sich deutlich von der Podsoltschicht. In geringerem Maße fanden sich darin Kohlestückchen.

Die Brandbestattung ergab 56 Nummern Funde. Den Hauptteil bildeten Kettenringelchen der Brustgehänge, Spirälchen und geschmolzene Bruchstücke von Schmucksachen. Besonders sind hierbei ein Spiralfingerring (Taf. XLI, 8), das Fragment eines Halsringes (Taf. XLI, 7), die Fragmente einer Messerscheide (Taf. XLI, 5, 6), ein abgekanteter Armring (Taf. XLI, 1), ein Schlüssel des Schlosses vom sog. A-Typ² (Taf. XLI, 4) und ein in Estland unikalier Tieranhänger (Taf. XLI, 3), zu dem es Parallelen aus den Hügeln des 10.—11. Jh. am Ladoga-See gibt³, zu erwähnen. Es wurden auch einige Scheibenkeramikscherben geborgen.

Da die Brandbestattung zerstört war, konnte ihr Charakter nicht genau geklärt werden. Am Ostfuß des Hügels 66 befand sich eine Grube (etwa 1 m²), von der wahrscheinlich die Mehrzahl der Funde stammt, doch kann man vermuten, daß die Beigaben und Knochensplitter ursprünglich durcheinander auf 4 m² Fläche gelegen haben. Dem Beigabenbestand nach zu urteilen war dort nur ein Leichenbrand beigesetzt worden. Offensichtlich hat sich die Verbrennung nicht an Ort und Stelle vollzogen, denn es gab sehr wenig Kohle. Von den beigefügten Schmucksachen waren viele absichtlich beschädigt worden, sie alle wiesen Feuerspuren auf. Der Leichenbrand und die Beigaben wurden vom Verbrennungsplatz an die Begrabungsstätte gebracht, wo noch vor der Beisetzung Feuer gemacht wurde, hier wahrscheinlich zerstreut und mit Sand bestreut. Es scheint, daß es sich um eine obenerdige Bestattung handelt, es besteht aber auch die Möglichkeit, daß über der Bestattung ein niedriger Hügel aufgeschüttet wurde. Die bisher einzige Brandbestattung von Jõuga ist in die zweite Hälfte des 11. Jh. zu datieren.

¹ *Лиги П.* Об исследовании водских курганов в Йюуга. — ENSV TA Toim. Ohisk., 1982, Bd. 31, Nr. 4, S. 384—387.

² *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — In: Труды Новгородской археологической экспедиции II. Материалы и исследования по археологии СССР, 65. М., 1959, S. 78, 80.

³ *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. — Археология СССР. Свод археологических источников, вып. E1-60. Л., 1981, S. 27, Taf. X, 3—8.